

Русский мат и новые религиозные онтологии

АЛЕКСАНДР А. ПАНЧЕНКО

Рекомендация для цитирования:

Панченко А.А. Русский мат и новые религиозные онтологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 42(4). С. 49–75.
<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-4-49-75>

For citations:

Panchenko, A. (2024) "Russian Obscene Language and New Religious Ontologies", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 42(4): 49–75.
<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-4-49-75>

Поступила в редакцию: 13.03.2024;
прошла рецензирование: 16.05.2024;
принята в печать: 16.09.2024.

Received: 13.03.2024; Revised: 16.05.2024;
Accepted for publication: 16.09.2024.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author.

Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия).

aranchenko2008@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7292-0303

Статья посвящена ресемантизации и новой мифологизации обценной лексики в современной православной культуре и более широких культурных контекстах. Можно предполагать, что приблизительно до XVI в. «матерные» лексемы и формулы, будучи оскорбительными и постыдными, в целом не обладали устойчивыми религиозными или магическими коннотациями. Это отличает «русский мат» от многих табуированных формул в других христианских культурах Средних веков и Нового времени. В дальнейшем соответствующие табу переживают несколько периодов мифологизации и даже политизации. В 2000-е и в 2010-е гг. российское общество пережило нечто вроде моральной паники, связанной с матерной бранью. Эта паника, отчасти спровоцированная довольно резким изменением общественного отношения к соответствующей группе лексем, сочетала моральный, религиозный и политический алармизм. Православный «антиматерный» дискурс постсоветских десятилетий опирается сразу на несколько гетерогенных положений и систем аргументации. Особый интерес здесь представляют

квазибиологические идеи, основанные на типичном для культуры нью-эйджа онтологическом холизме: предполагается, что «позитивные» или «негативные» слова и формулы, а также мысли могут оказывать прямое воздействие на организмы и неживую материю посредством неизвестных современной физике полей и энергетических потоков. Несмотря на очевидную гетерогенность и даже эклектизм, обсуждаемая религиозная ресемантизация лексических и речевых табу может быть описана и проанализирована в терминах особой и по-своему последовательной онтологической перспективы.

Ключевые слова: русский мат, мифологизация и политизация обценной лексики, постсекулярные онтологии, нью-эйдж, холистическое мировоззрение

Russian Obscene Language and New Religious Ontologies

Alexander A. Panchenko

European University at St. Petersburg; Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia). apanchenko2008@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7292-0303

The paper focuses on the resemantisation and the new mythologies of Russian obscene language in present day Orthodox culture and larger cultural contexts. The social history of Russian obscene language (known as mat or maternaia bran') still appears to be quite obscure and intriguing. Unlike profanities in many other European languages that employed a lot of symbols and topoi from Christian culture, Russian swearing concentrated predominantly on sexual symbolism. Certain researchers still follow the hypothesis by Boris A. Uspensky who argued that Russian mat was historically related to pre-Christian mythology and rituals including the allegedly existing pagan cult of the "Mother Earth". Yet this point of view does not seem to be well-grounded; religious connotations of Russian mat Uspensky proceeded from were probably ascribed to particular formulae only in the 16th and 17th centuries. However, the hypothesis of "pre-Christian origin" influenced the reception of Russian obscenities in present day Orthodox and secular discourses where mat can be considered as a survival or even a driving force of paganism and Satanism. On the other hand, both Orthodox and other religious/spiritual ontologies in contemporary Russia usually

involve “holistic” understanding of obscenities, the latter believed to transmit particularly harmful “energies” which are understood and discussed in terms of physics and biology. Proceeding from these beliefs, ideas, and practices, the article deals with how post-secular religious ontologies elaborate their own ideas and senses of language that paradoxically intertwine linguistic and semiotic ideologies, moral reasoning, political expectations, and the image of human body. This new mythology of language is obviously linked (but not limited) to the New Age or holistic worldview, where conventional boundaries between material and spiritual, individual and collective, human body and its environment are erased or blurred, and deserves special investigation as an important part of post-secular and postmodern ontology in general.

Keywords: Russian obscene language (*mat*), mythology and politics of swearing, post-secular ontologies, New Age, holistic worldview

АКЦЕНТИРОВАННОЕ метапрагматическое и/или герменевтическое отношение к языку и его единицам составляет значимую часть современной массовой (в том числе религиозной) культуры. Речь, в частности, идет о практиках и репрезентациях, где лингвистические идеологии, в терминах Майкла Сильверстина¹, оказываются одновременно и семиотическими, в соответствии с концепцией Вебба Кина²: этимология, история письменности и лексикография становятся в различных религиозных и секулярных культурах источником потусторонних транс-исторических смыслов и значений, требующих раскодирования и оказывающих заметное влияние на ритуальные и социальные практики повседневной жизни. Эта сторона постсекулярной массовой культуры пока что мало исследована антропологами, со-

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00508, <https://rscf.ru/project/21-18-00508/>

Supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No 21-18-00508, <https://rscf.ru/en/project/21-18-00508/>

1. Silverstein, M. (1979) “Language Structure and Linguistic Ideology”, in P. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer (eds) *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*, pp. 193–247. Chicago, IL: Chicago Linguistic Society.
2. Keane, W. (2003) “Semiotics and the Social Analysis of Material Things”, *Language and Communication* 23: 409–425.

циолингвистами и религиоведами³, однако можно предполагать, что она в существенной степени связана с особенностями новых религиозных онтологий, формирующихся в современном мире. К этому вопросу я вернусь в дальнейшем.

Любые ритуальные практики тем или иным образом включают обособленные (в том числе и с этической точки зрения) речевые акты: молитвы, заклинания, благопожелания, клятвы, проклятия и т.п. Вместе с тем в сферу религиозных семиотических идеологий могут инкорпорироваться представления о высказываниях и формулах, исходно не имеющих устойчивых обрядовых функций и не ассоциирующихся с коммуникацией между людьми и потусторонними существами. Именно так, по моему предположению, произошло с так называемой «матерной бранью» — обценными лексемами и формулами, табуированными в современном русском языке и запрещенными в публичном использовании законодательно. Можно предполагать, что приблизительно до XVI в. они, будучи оскорбительными и постыдными, в целом не обладали устойчивыми религиозными или магическими коннотациями. Это отличает «русский мат» от многих табуированных формул в других христианских культурах Средних веков и Нового времени, где, в частности, специально порицались клятвы и ругательства, связанные с телом Христа, — не только из-за нарушения третьей заповеди, но и как профанирующие евхаристический культ⁴. Мне представляется, что религиозный (или, точнее, святотатственный) смысл стал приписываться «матер-

3. Базылев В. Н. Политика и лингвистика: «великий и могучий...» // Политическая лингвистика. 2009. № 3(29). С. 9–38 (а также другие работы этого автора); Полниченко Д. Ю. Политические мифологемы фолк-лингвистики // Политическая лингвистика. 2010. № 4(34). С. 196–202; Павлова А. В., Безродный М. В. Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма // Политическая лингвистика. 2011. № 4(38). С. 11–20; Bialecki, J., del Pinal, E. H. (2011) “Introduction: Beyond Logos: Extensions of the Language Ideology Paradigm in the Study of Global Christianity(ies)”, *Anthropological Quarterly* 84(3): 575–593; Тамбовцева С. Г. Каббалистическая герменевтика и утопическая компаративистика ВсеяСветной Грамоты // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 4(37). С. 69–101; Штырков С. А. О разговорах с мертвыми, (не)переводимости имен святых и праве вольных русов на русский язык // Антропологический форум. 2023. № 58. С. 157–170; Leonard, S. P. (2023) “Words to Things: Religious Cosmologies in the Context of the (Russian) Orthodox Philosophy of Language”, *Journal for the Study of Religions and Ideologies* 22(65): 145–158.
4. См.: Montagu, A. (1967) *The Anatomy of Swearing*, pp. 118–135. New York: Macmillan; Ljung, M. (2011) *Swearing: A Cross-Cultural Linguistic Study*, pp. 51–63. London: Palgrave Macmillan; Mohr, M. (2013) *Holy Shit: A Brief History of Swearing*, pp. 120–128. Oxford, New York: Oxford University Press.

ной лае», то есть русским обценным инвективам с упоминанием матери или родителей, лишь в XVI–XVII вв. Государственные и церковные запреты матерной брани в конце 1630-х — 1640-х гг. первоначально, по всей видимости, были связаны с реформаторскими инициативами «ревнителей благочестия». Эти меры, помимо всего прочего, спровоцировали серию «низовых» визионерских паник эсхатологического характера в среднем Подвинье и Прикамье, а также юго-восточном Приуралье. Как правило, визионерам являлись иконы Богородицы и, угрожая различными бедствиями, запрещали матерно браниться и употреблять табак. Тогда же — предположительно в первой половине XVII в. — в русской духовной письменности появилось анонимное и часто приписываемое Иоанну Златоусту «Слово о матерной брани», где объяснялось, что бранящийся оскорбляет трех матерей: Богородицу, родную мать и мать землю, «от нея же кормимся и питаемся и одеваемся... к ней же паки во<з>вращаемся»⁵. Хотя этот текст, судя по всему, был написан в Московском государстве и отражал общую тенденцию к негативной религиозной интерпретации инвективных формул с «материнской темой», у него могли быть и внешние, в том числе западноевропейские источники. Так, возвращаясь к теме божбы и сквернословия, связанных с Телом Христовым, можно вспомнить, например, известный средневековый сюжет о Богородице, являющейся любителю формул такого рода и показывающей ему младенца Христа, окровавленного и изувеченного соответствующей божбой⁶. «Слово о матерной брани» оказало заметное влияние на массовую религиозную культуру и фольклор восточных славян XVIII–XIX вв. и было особенно популярно в старообрядческой среде.

Таким образом, «изобретение» и религиозное прочтение «матерной лаи» как особого и святотатственного вида сквернословия происходит в Московском государстве в XVI–XVII вв. в контексте нескольких волн борьбы с «народными обычаями», иначе говоря — первых попыток «дисциплинарной революции» в сфере религиозной культуры, повседневных обычаев и ритуальных практик. Однако траектории социального дисциплинирования резко

5. Родосский А. Описание 432-х рукописей, принадлежащих Санкт-Петербургской Духовной Академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб.: Тип. А. О. Башкова, 1893. С. 425.
6. Tubach, F. C. (1969) *Index Exemplorum: A Handbook of Medieval Religious Tales*, p. 386 (№ 5103). Helsinki: Akademia Scientiarum Fennica (Folklore Fellows Communications No. 204).

изменились в «регулярном государстве» Петра I, легализовавшем употребление и продажу табака и как бы аннулировавшего религиозные запреты на матерную брань и пьянство посредством публичной пародийно-кошунственной ритуалистики, в частности — Всесудейного собора⁷.

В современных российских медиа и массовых изданиях время от времени можно встретить утверждения, что в XVIII — начале XIX в. за матерную брань полагались достаточно суровые наказания. Так, в книге бывшего прокурора из Владимирской области А. П. Сухарева говорится, что при Петре I «за мат» сквернослову прожигали язык⁸. Это, однако, ошибка: на самом деле речь идет о наказаниях за богохульство по Соборному уложению 1649 года и Воинскому артикулу Петра I. Подобные кары, однако, не распространялись на матерную брань как таковую, она вообще специально не упоминалась в документах светского государства после указов Алексея Михайловича о борьбе с народными обычаями середины XVII в.⁹ Текст «Слова», приравнивавший «матерную лаю» к богохульству, никакого канонического или законодательного значения не имел. Вместе с тем это поучение оказывало заметное влияние на массовую религиозную культуру в течение всего синодального периода. Так, скажем, сын таганрогского церковного регента и старший брат известного писателя Александр Чехов пишет в 1898 г.: «Забот у меня теперь разных много, труда достаточно, времени мало, устаю сильно, сплю недостаточно и вообще — с разных сторон обуреваем, иногда горестно восклицаю: “Изведи из темницы душу мою”, но чаще нарушаю *златоустовское поучение о матерном слове...*» (курсив мой. — А. П.)¹⁰. Выросший в севернорусской деревне А. П. Чапыгин в своем ро-

7. Подробные материалы, библиографию вопроса и аргументацию касательно религиозного прочтения матерной брани в русской культуре XVI–XVII вв. см. в другой моей статье: Панченко А. А. Крестьяне, иконы и матерная брань // Этнографическое обозрение. 2023. № 2. С. 21–51.

8. Сухарев А. П. Уроки Фемиды. На каком языке говорим с Богом. Об ответственности за сквернословие. М.: «Юрист», 2011. С. 31–32.

9. В «Воинском артикуле» Петра I (1715, ст. 177) читаем: «От позорных речей и блядских песней достойно и надобно всякому под наказанием удержатись»; однако матерная брань в качестве особой категории лексем не фигурирует. В «Уставе благочиния» (1782, ст. 222) и «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» (1845, ст. 1304–1305) публичное («в общеприличном месте» / «в... торжественных многолюдных собраниях») употребление «бранных» / «непотребных» / «противных благопристойности» слов каралось штрафом или краткосрочным арестом.

10. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка / Сост., подг. текста и коммент. Е. М. Гушанской, И. С. Кузьмичева. М.: «Захаров», 2012. С. 784.

мане «Гуляющие люди» (1932–1937) изображает московский каба́к (дело происходит в 1662 г., незадолго до Медного бунта), где на стене висит пергаменный лист с текстом «Слова»¹¹. Это, конечно, анахронизм, поскольку в середине XVII в. настенных листов в Московском государстве было очень мало и никто бы не стал вешать святоотеческое поучение в питейном доме, однако он, скорее всего, свидетельствует, что писатель сам встречал нечто подобное в своем архангелогородском детстве или петербургской юности. Настенные листы с текстом «Слова» действительно были довольно широко распространены в Российской империи конца XIX — начала XX в.: электронный каталог РНБ, например, насчитывает 8 таких изданий, выпущенных между 1862 и 1913 гг.¹²

Впрочем, православные проповедники и публицисты XIX — начала XX в., выступавшие против матерной брани, использовали не только аргументы и риторические приемы, напрямую связанные с поучением псевдо-Златоуста, но и мотивы более древних христианских текстов, направленных против сквернословия. Так, настоятель Екатерининской церкви на Васильевском острове Павел Весин в своей проповеди «Почтение о удержании от празднословия и сквернословия» (1880) вспоминает хорошо известный христианскому средневековью¹³ сюжет из «Собеседований о жизни и чудесах италийских отцов и о бессмертии души» (в славянском переводе «Римский Патерик») римского папы Григория Великого (Двоеслова)¹⁴ о кончине пятилетнего мальчика — сквернословца и богохульника. Во время эпидемии он заболевает и видит бесов, пришедших по его душу: «Отец, видя его трепещущего и дрожащего от страха, спросил: “Что ты видишь, дитя мое?” Ребенок отвечал: “Черные люди пришли и хотят взять меня”. Сказав эти слова, ребенок, по обыкновению, начал произносить скаредные и непотребные слова и тотчас же умер»¹⁵. Анонимный настенный лист «Бойся греха сквернословия», изданный в 1891 г., подчеркивает, скажем так, контагиозную святотатственность ма-

11. Чапыгин А. П. Собрание сочинений в 5 тт. Т. 4. Л.: «Художественная литература», 1969. С. 317–318.

12. См.: Поучение святого Иоанна Златоустого о матернем слове: Выписано из кн. «Златая струя», гл. 2. СПб: тип. И. И. Глазунова и Ком., 1862.

13. Tubach, F. C. *Index Exemplorum*, p. 57 (№ 684).

14. См.: Патерик Римский. Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе / Изд. подг. К. Дидди. М.: «Индрик», 2001. С. 403–405.

15. Весин П., прот. Поучение о удержании от празднословия и сквернословия. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1880. С. 5.

терной брани: «Помни, что вслед за крещением, чрез помазание освященным миром на твои уста положена печать дара Св. Духа. Срамословием оскорбляется Св. Дух, освятивший твои уста для употребления их во славу Божию. <...> Не прогневай Христа Спасителя тяжким грехом срамословия, которым оскверняются уста, освящаемые прикосновением к ним пречистого тела и крови Христовой. Помни, что устами своими ты лобызаешь святой крест, святые иконы, святые мощи, священные слова книги Евангелия»¹⁶. Брошюра «О грехе сквернословия или матернем слове», напечатанная в Киеве в 1899 г. в качестве приложения к журналу «Воскресное чтение», расширяет «псевдозлатоустовский» список оскорбляемых матерей за счет крестной матери, «матери духовной — Святой Церкви», «Руси святой», «возлелеявшей» человека «на тучных пожитях своих», и царицы — «матери русского народа»¹⁷. Матерей, таким образом, оказывается уже не три, а семь. Включение в этот список императрицы выглядит как лоялистский курьез, однако, вероятно, отражает и динамику дискурсов о богохульстве конца XIX — начала XX в., поскольку обвинения в святотатственных речах и поведении здесь зачастую дополняются темой оскорбления царственной семьи.

История публичных дискурсов о сквернословии в пореформенной Российской империи нуждается в специальных исторических исследованиях. Этой теме, насколько мне известно, посвящена лишь статья С. Смита, где, в частности, описана борьба против употребления матерной брани в рабочем профсоюзном движении 1905–1907 гг. и ее развитие в советской кампании за «культурность речи» в эпоху НЭПа¹⁸. Здесь, как и следовало ожидать, представления о матерной брани и ее истории приобретали политические и классовые коннотации¹⁹. С другой стороны, идея отка-

16. Бойся греха сквернословия. М.: Тип.-лит. Н. И. Куманина, 1891.

17. П. Б. О грехе сквернословия или матернем слове. Киев: Тип. М. Д. Ивановой, 1899. С. 9–13.

18. Smith, S. A. (1998) “The Social Meanings of Swearing: Workers and Bad Language in Late Imperial and Early Soviet Russia”, *Past & Present* 160: 167–202.

19. Так, скажем, Троцкий, в 1919 г. специальным приказом запретивший красноармейцам материться, позднее писал (1923): «Брань есть наследие рабства, приниженности, неуважения к человеческому достоинству, чужому и собственному, а наша российская брань — в особенности. Надо бы спросить у филологов, лингвистов, фольклористов, есть ли у других народов такая разнузданная, липкая и скверная брань, как у нас. Насколько знаю, нет, или почти нет. В российской брани снизу — отчаяние, ожесточение и прежде всего рабство без надежды, без исхода. Но та же самая брань сверху, через дворянское, исправническое горло, яв-

за от сквернословия была популярна и в православном трезвенническом движении начала XX в., так что некоторые приходские общества или братства, создававшиеся в 1900-е гг., прямо именовались «обществами трезвости и воздержания от сквернословия», а вступающие в них не только отрекались от пьянства, но и давали обет не браниться²⁰.

В 1930-е гг., как полагает Смит, мат оказался «деполитизированным» и ассоциировался преимущественно с отсутствием культурности и хулиганством²¹. О криминализации матерной брани и динамике отношения к ней в СССР тоже необходимо говорить отдельно, хотя в целом очевидно, что борьба со сквернословием в эпоху Хрущева и Брежнева была тесно связана с тогдашней эволюцией представлений о моральном порядке. При этом в массовой культуре того времени можно отметить два общих места, касающихся, так сказать, мифологии русского мата²². Во-первых, это идея, что матерные слова имеют иноязычное происхождение и попали в русский язык в эпоху татаро-монгольского ига (в известном смысле оно дублирует известные нам по ряду источников XVI–XVII вв. представления о «матерной лае» как о «жидовской брани»)²³. Во-вторых, это представление, что русский мат пред-

лялась выражением сословного превосходства, рабовладельческой чести, незыблемости основ... <...> Два потока российской брани — барской, чиновничьей, полицейской, сытой, с жирком в горле, и другой — голодной, отчаянной, надорванной, — окрасили всю жизнь российскую омерзительным словесным узором. И наследство такое, в числе многого другого, получила революция» (*Троцкий Л.* Собрание сочинений. Т. XXI: Культура переходного периода. М., Л.: Госиздат, 1927). Противники большевиков, в свою очередь, обвиняли последних в нравственной и мистической связи с матерной бранью, как это делал в 1918 г. С. Н. Булгаков: «Мне часто думается теперь, что если уж искать корней революции в прошлом, то вот они налицо: большевизм родился из матерной ругани, да он, в сущности, и есть поругание материнства всяческого: и в церковном, и в историческом отношении. Надо считаться с силою слова, мистическою и даже заклинательною. И жутко думать, какая темная туча нависла над Россией, вот она, смердяковщина-то народная» (*Булгаков С. Н.* На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Изд. Моск. ун-та, 1990. С. 116).

20. См.: *Мордвинов И.* Общество трезвости, жизнь и работа в нем. СПб.: Александроневское общество трезвости, 1911. С. 45, 51–53, 58, 66, 81, 91, 94–95, 205, 208, 217.

21. Smith, S. A. "The Social Meanings of Swearing: Workers and Bad Language in Late Imperial and Early Soviet Russia", pp. 200–201.

22. См. об этом: *Ковалев Г. Ф.* Русские писатели о русском мате // Язык, коммуникация и социальная среда. 2004. № 3. С. 38–51.

23. *Смирнов С.* Древнерусский духовник. М.: Синодальная тип., 1913. С. 156; *Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Антимир русской культуры. Язык, фольклор, литература. Сборник статей / Сост. Н. Бо-

ставляет собой не просто язык мужских субкультур, но, скажем так, особый боевой социолект: солдаты идут на врага, произносятся матерные ругательства; без мата нельзя выжить на войне и т.п.

* * *

Прежде чем переходить к современным материалам, нужно, наконец, сказать несколько слов о существующих антропологических и культурно-исторических гипотезах, касающихся происхождения «центральной» матерной формулы *matrem tuam futuo (futui)*. Мне их известно три. Во-первых, это высказанное в 1929 г. Д. К. Зелениным наивное квазиреалистическое предположение, что первоначальный смысл бранного выражения связан с символикой возрастного доминирования. Обратив внимание, что «русская неприличная брань с упоминанием матери служит... оберегом, защитой от злых демонов», ученый сделал вывод, что подобные ругательства могут быть своеобразным символом возрастного доминирования: «Так называемая матерная русская брань равносильна, собственно, бранным выражениям “молокосос”, “щенок” и т.п., подчеркивающим юность и неопытность объекта брани. Ругающийся выставляет здесь себя как бы отцом того, кого он бранит; неприличная формула матерной ругани означает...: “Я твой отец!” Точнее: “Я мог быть твоим отцом!” — Демоны трусливы, и их, очевидно, запугивает такое нахальное уверение в мнимом отцовстве»²⁴. В академическом мире эта гипотеза, насколько я могу судить, особенного внимания не привлекла, однако Зеленин был не единственным ее сторонником. Можно даже усомниться, что он пришел к ней самостоятельно, поскольку она присутствует в первой части романа Максима Горького «Жизнь Клима Самгина», впервые опубликованной за два года до соответствующей работы Зеленина²⁵. Писатель вернулся к этой идее в статье «Беседа», опубликованной в журнале «Колхозник»

гомолов. М.: Ладомир, 1996. С. 18; Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX вв.: исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 473.

24. Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. II. Запреты в домашней жизни. Л.: б. и., 1929 (Сб. МАЭ. Т. IX). С. 18–19.

25. Горький М. ПСС. Художественные произведения в 25 тт. Т. XXI. М., 1974. С. 379. Черновые варианты: Горький М. ПСС. Варианты к художественным произведениям. Т. VII. Варианты к т. XXI. М., 1978. С. 319. См. также: Айрапетян В. Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. Ч. I. С. 99, 231.

в 1934 г. Если в «Климе Самгине» генезис матерной брани объяснялся с оглядкой на концепцию матриархата и идеи эволюционистской антропологии, то в статье 1934 г. у писателя получилась более сложная историческая конструкция, включавшая отсылку к «праву первой ночи»:

Можно думать, что далеко в прошлом, когда мужчины, охотники или пастухи, уходя в леса и степи, пропадали там на года, попадая в плен соседних племен, женщины, воспитав детей и провожая их по следам отцов, сообщали им особые приметы отцов или условные лозунги, которыми определялось племенное и семейное родство. Допустимо думать, что во избежание драки между пожилыми охотниками, пастухами и молодыми была в ходу опознавательная миролюбивая фраза: «Поял твою мать». Эту фразу произносили пожилые. <...>

Я утверждаю, что гнусный и хвастливый смысл вложен в эту фразу феодальным дворянством в эпоху крепостного права. В то время дворянство, свободно и бесчеловечно распоряжаясь жизнью крестьян, присвоило себе «право первой ночи», то есть право пользоваться первой ночью каждой девушки, вышедшей замуж. Вполне ясно, что дворянин, помещик мог гнусно хвастаться перед крестьянином: «Я изнасиловал твою мать». Прибавьте к этому, что церковь учила людей смотреть на оплодотворение девицы как на «грехопадение» и «блудодеяние», позорное для девушки²⁶.

Вторая гипотеза, получившая значительную академическую и общественную известность, принадлежит Б.А. Успенскому и была высказана им в 1980-е гг. Сопоставляя гипотетический ритуальный смысл матерных выражений с античной «эсхрологией», исследователь предположил, что в языческую эпоху они, по-видимому, были связаны с представлениями об оплодотворении земли, а затем подвергались «разнообразным переосмыслениям (семантическим трансформациям), обусловленным включением в разные мифологические коды», в том числе христианские.

На глубинном (исходном) уровне матерное выражение соотнесено, по-видимому, с мифом о сакральном браке Неба и Земли — бра-

26. Горький М. Собрание сочинений в 30 тт. М.: Гос. изд. художественной литературы, 1953. Т. 27. С. 369.

ке, результатом которого является оплодотворение Земли. На этом уровне в качестве субъекта действия в матерном выражении должен пониматься Бог Неба, или Громовержец, а в качестве объекта — Мать Земля. Отсюда объясняется связь матерной брани с идеей оплодотворения... На этом уровне матерное выражение имеет сакральный характер, но не имеет характера кощунственного. <...> На другом — относительно более поверхностном — уровне в качестве субъекта действия в матерном выражении выступает пес, который вообще понимается как противник Громовержца. <...> Соответственно, матерная брань приобретает кощунственный характер. На этом уровне смысл матерного выражения сводится к идее осквернения земли псом, причем ответственность за это падает на голову собеседника. <...> На следующем... уровне в качестве объекта матерного ругательства мыслится женщина, тогда как пес остается субъектом действия. На этом уровне происходит переадресация от матери говорящего к матери собеседника, то есть матерная брань начинает пониматься как прямое оскорбление... Наконец, на наиболее поверхностном и профаническом уровне в качестве субъекта действия понимается сам говорящий, а в качестве объекта — мать собеседника²⁷.

В своей реконструкции Успенский опирался не только на гипотезу «основного индоевропейского мифа» о боге-громовержце и его противнике, сформулированную Вяч. Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым²⁸, но и на вышедшую во время Первой мировой войны книгу Б.Г. Богаевского «Земледельческая религия Афин», где, если воспользоваться формулировкой Е.Г. Кагарова, доминировала идея, «согласно которой первобытный земледelec верил в таинственную и неразрывную связь функций женского организма с явлениями, происходящими в почве. В сущности, вся его книга — пространная амплификация основной мысли: земля — женщина, урожай — разрешение земли от бремени»²⁹. О ритуальных непристойностях афинянок Богаевский писал, в частности, следующее: «В Греции, как и других странах еще до настоящего времени, земледельческое сквернословие было весьма распро-

27. Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. С. 63–64.

28. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: «Наука», 1974.

29. Кагаров Е.Г. [Рец. на:] Богаевский Б.Л. Земледельческая религия Афин. I. Пг., 1916 // Богословский вестник. 1917. № 1. С. 165.

странено. Эсхрология, обычно применявшаяся при выполнении различных земледельческих действий, находила свое место в Греции также и в земледельческих культах, как кажется, исключительно женских. Этим сквернословием женщины, носительницы идеи плодородных сил земли, стремились отогнать от полей злые влияния и охранить их производительность»³⁰. Подход Богаевского, в свою очередь, был прямо связан с концепцией земледельческой ритуалистики Дж. Дж. Фрэзера, посвятившего отдельную главу «Золотой ветви» сексуальным коннотациям «магии плодородия»³¹. Современные историки и антропологи, впрочем, интерпретируют символику и функции соответствующих обрядов, в частности греческих фесмофорий, несколько иначе и без особой оглядки на обсуждавшиеся Фрэзером законы магического мышления³².

Наконец, еще одна гипотеза происхождения матерной брани, также в целом ориентированная на фрэзеровскую парадигму ритуального символизма, была предложена В. Ю. Михайлиным. Исследователь, впрочем, связывал историю русского сквернословия не с аграрными ритуалами, а с архаической мифологией воинских мужских союзов и считал формулу *canis matrem tuam subagit* средством «магического “уничтожения” оппонента»: «С точки зрения территориально-магических коннотаций, смысл ее сводится к следующему. Мать оппонента была осквернена псом — причем разница между воином-псом и животным рода *canis* не просто не существенна. Ее не существует. Следовательно, оппонент нечист, проклят и — фактически — уже мертв сразу по трем позициям»³³.

Хотя эти концепции представляются мне если не полностью ошибочными, то хотя бы недоказуемыми с исторической точки зрения и плохо соответствующими современным антропологическим теориям магии и ритуала, я полагаю, что все они (и в осо-

30. Богаевский Б. Л. Земледельческая религия Афин. Т. I. Пг.: Тип. М. А. Александрова, 1916. С. 58.

31. Frazer J. (1993) *The Golden Bough*, pp. 135–139. Ware: Wordsworth Editions.

32. См. обзор существующих точек зрения: Chlup, R. (2007) “The Semantics of Fertility”, *Kernos* [Online], 20 [http://journals.openedition.org/kernos/171, accessed on 24.08.2022]; Halliwell, S. (2008) *Greek Laughter: A Study of Cultural Psychology from Homer to Early Christianity*, pp. 155–214. Cambridge University Press.

33. Михайлин В. Ю. Русский мат как мужской обценный код. Проблема происхождения и эволюция статуса // «Злая лая матерная...»: сб. ст. / под ред. В. И. Жельвиса. М.: Ладомир, 2005. С. 82–83.

бенности идеи, высказанные Успенским) так или иначе повлияли на репрезентацию матерной брани в массовых дискурсах постсоветской эпохи.

* * *

Обратимся теперь к моральным, религиозным и онтологическим интерпретациям смысла и функций мата в России последних десятилетий³⁴. Здесь прежде всего нужно сказать, что в 2000-е и в 2010-е гг. российское общество пережило нечто вроде моральной паники, связанной с матерной бранью. Эта паника, отчасти спровоцированная довольно резким изменением норм и правил публичного употребления мата, сочетала моральный, религиозный и политический алармизм и преимущественно оперировала идеями и нарративами, о которых пойдет речь ниже. Одним из ее правовых итогов стало ограничение на использование «нецензурной брани» в средствах массовой информации, принятое в стране в 2013 г., а самым заметным эпизодом — кампания против матерной брани в Белгородской области, которая была инициирована в 2004 г. местным губернатором Савченко, прославившимся своими экстравагантными проектами морально-этического и религиозного характера.

Одной из заметных сторон этой моральной паники было появление довольно большого числа православных публицистических и учительных текстов, осуждающих матерную брань и объясняющих ее вред и опасность. К их содержанию мы сейчас и обратимся.

Во-первых, нужно отметить, что современная православная публицистика отчасти следует традиции обличений сквернословия в XVII–XIX вв.: здесь мы по-прежнему встречаем и пересказы «Слова о матерной брани» псевдо-Златоуста³⁵, и историю о смерти

34. Эта тема, насколько я могу судить, остается практически не исследованной в социально-антропологическом отношении. Здесь разве что можно упомянуть обзорную статью австрийской исследовательницы Мануэлы Ковалев, основанную на крайне скудных источниках и приходящую к исключительно банальному выводу: «Недавние запреты на использование obscenity языка составляют часть вновь формирующегося в России и основанного на религиозном и социальном консерватизме дискурса национальной идентичности, а идеологическое и символическое значение, ассоциирующееся с этими нормами, выходит за пределы их регулятивных функций» (Kovalev, M. (2016) "Law and (Verbal) Order: The Politics of Russian Obscene Language from Soviet Russia to the Present Day", *Zeitschrift für Slavische Philologie* 72(2): 324).

35. Гумеров Павел, *прот.* Безобидно ли сквернословие? // Родителям и детям о грехе сквернословия / Сост. И. Цуканов. М.: «Символик», 2022. С. 96. *Владимиров Ар-*

мальчика-сквернословца из «Римского патерика»³⁶. Тема матерщины как осознанного либо невольного богохульства по-прежнему часто встречается на страницах православных брошюр, порицающих сквернословие. Вместе с тем заметной и значимой в этой обличительной литературе становится репрезентация матерной брани как древних «языческих молитв», обращенных к демонам. Очевидно, что эта идея получила популярность не без влияния работ Б.А. Успенского: некоторые авторы прямо пересказывают его концепцию³⁷. Впрочем, мысль о том, что обсценная лексика могла иметь какое-то отношение к дохристианским магическим практикам, высказывалась и до Успенского: так, в аскетическом труде епископа Варнавы (Беляева) «Основы искусства святости» (сер. 1920-х гг., издан только в 1990-е гг.), который довольно часто цитируется в современной православной литературе, читаем: «Порок этот есть наследие чисто языческое. Он всецело коренится в фаллических культах Древнего Востока. ...эти скверные чудовищные выражения суть на самом деле “священные”, “молитвенные” формулы, обращенные к срамным демонам»³⁸. Так или иначе, в современной православной литературе сквернословие гораздо чаще репрезентируется не как богохульство, но как «молитва демонам», то есть разновидность черной магии³⁹.

Более примечательной, однако, представляется, скажем так, паранаучная форма критики матерной брани, имеющая прямое отношение к онтологии и эпистемологии нью-эйджа, но вместе с тем занимающая важное место и в православной публицистике. Речь идет о предполагаемом физиологическом вреде матерных ругательств. Источником соответствующих идей стали выступления и публикации нескольких активистов постсоветской «альтернативной науки» — создателя «Института лингвистико-волновой генетики» П.П. Гаряева (1942–2020), путешественни-

темий, прот. Мерзость красного словца // От слов своих осудишься: сквернословие. М.: Изд. Московской Патриархии, 2013. С. 8.

36. См.: *Николаев Сергей, прот.* Грех или грешок // От слов своих осудишься: сквернословие. С. 43–44.

37. *Гумеров Павел, свящ.* Безобидно ли сквернословие? // Родителям и детям о грехе сквернословия. С. 97; *Гузенко Виктор, прот.* Кого зовешь, тот и приходит // Там же. С. 66–67.

38. *Варнава (Беляев), еп.* Сквернословие: «площадная, матерная брань», «словесный эксгибиционизм» // Невинная привычка или смертный грех? М.: Даниловский благовестник, 2012. С. 20–22.

39. См.: *Митрофан (Баданин), еп.* Правда о русском мате. СПб.; Мурманск: Библиополис, 2014. С. 6–10.

ка, полярника и специалиста по «традиционным способам выживания» Г.С. Чеурина (1952 г. р.) и других. Важную роль здесь сыграли псевдонаучные теории Гаряева⁴⁰, утверждавшего, что молекулы ДНК способны принимать и передавать информацию при помощи «физических полей малой мощности»⁴¹, вследствие чего геном человека и других живых существ может изменяться под внешним, в том числе акустическим, воздействием. Эта концепция оказалась удобной для псевдонаучного обоснования разных нематериалистических теорий — от телегонии до бессмертия души, однако наибольшую популярность у журналистов и религиозных деятелей она приобрела в применении к речевым актам и их эффектам. Во второй половине 1990-х Гаряеву удалось увлечь своими идеями сотрудников Института проблем управления РАН (здесь его главным единомышленником стал специалист по лазерам Г.Г. Тертышный). Для проверки идей Гаряева была поставлена серия экспериментов, в ходе которых исследователи пытались оценить воздействие матерной брани на растения. Вот как описан один из видов этой практики в статье Тертышного, опубликованной в сборнике «Злая лая матерная»:

Две абсолютно идентичные грядки были засеяны одним и тем же сортом моркови, причем самым тщательным образом были созданы одинаковые условия роста: совпадали качество почвы и количество удобрений, грядки поливались в одном и том же объеме в одно и то же время. Различие состояло единственно в том, что ростки одной грядки огородники хвалили и говорили о своей любви к ним, а ростки второй ругали. «Хваленая морковка» дала хороший урожай и была сочная и вкусная, а та, что была «плохая» и «нелюбимая», выросла мелкая и невкусная. При повторном опыте хвалили морковь на той грядке, где в прошлый раз она не удалась, а там, где она дала изрядные плоды, наоборот, ругали. После такой сме-

40. См.: Корочкин Л.И. Во власти невежества. Неолысенковщина в российском сознании // В защиту науки. Бюллетень № 17. М.: Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, 2016. С. 73–81; Бородин П.М. Фантомы волнового генома // В защиту науки. Бюллетень № 4. М.: Наука, 2008. С. 174–176.

41. Гаряев П.П. Лингвистико-волновой геном. Теория и практика. Киев: Институт квантовой генетики, 2009. С. 70.

ны грядок уже на первой из них выросла морковь мелкая и невкусная, а на другой грядке — крупная, сочная и вкусная⁴².

Подобные же опыты мужественные экспериментаторы проводили с разными семенами и клубнями, а также с водой, предназначенной для полива растений, и во всех случаях, по их собственным утверждениям, приходили к аналогичным результатам.

Идеи и деятельность Гаряева неоднократно упоминались в средствах массовой информации конца 1990-х гг., однако одной из самых заметных корреспонденций на эту тему стала статья журналистки из «Сельской нови» Натальи Лариной «Не убивайте матом хромосому»⁴³. Здесь также упоминались эксперименты Гаряева и Тертышного, но речь шла уже о растениях рода *Arabidopsis* (Резуховидка), часто используемых в генетических исследованиях. Бранные слова, адресованные их семенам, как утверждает в статье, приводили к скорому вырождению, причем «мутагенный эффект не зависел от силы слова, последние могли произноситься то громко, то шепотом. На этом основании ученые сделали вывод, что определенные слова обладают информационным воздействием на ДНК. Проведен был и прямо противоположный эксперимент. Ученые “благословляли” семена, убитые радиоактивным облучением в десять тысяч рентген. И вот перепутавшиеся гены, разорванные хромосомы и спирали ДНК встали на свои места и срослись. Убитые семена ожили»⁴⁴. «Волновая генетика» Гаряева, таким образом, теоретически позволяла разделить любые тексты, высказывания и даже мысли на «благотворные» и «опасные» для молекул ДНК: «Генетическому аппарату совсем безразлично, о чем мы думаем, говорим, какие книги читаем. Все впечатывается в волновой геном, то есть волновую генетическую программу, которая меняет в ту или иную сторону наследственность и программу каждой клетки. Так слово может вызвать рак, а может вылечить человека»⁴⁵.

Заметка Лариной быстро получила популярность в разных религиозных сообществах, так что ее несколько модифицирован-

42. Тертышный Г.Г. Методы и средства биофизического полевого управления в биологических системах // «Злая лая матерная...»: сб. ст. / Под ред. В.И. Жельвиса. М.: Ладомир, 2005. С. 569.

43. Ларина Н. Не убивайте матом хромосому // Сельская новь. 1998. № 4. С. 49.

44. Там же.

45. Там же.

ные версии и свободные пересказы стали циркулировать в рукописной, печатной и электронной формах подобно средневековому гомилетическому тексту⁴⁶. Поскольку сам по себе «эксперимент», основанный на инвективах в адрес растений (похожим образом были построены опыты россиянина С. В. Зенина и японца Масару Эмото, посвященные «памяти воды»), не требует специального оборудования и финансовых затрат, его неоднократно воспроизводили и другие энтузиасты, в частности — вышеупомянутый Г. С. Чеурин⁴⁷. Несколько иначе, но в целом в той же манере рассуждал о матерной лексике психофизиолог из Москвы Л. А. Китаев-Смык: он полагал, что она способствует выделению андрогенов — мужских половых гормонов и помогает мужчинам бороться со стрессом, тогда как на женщин действует отрицательно, провоцируя гормональные нарушения и делая их мужеподобными⁴⁸. Эти идеи получили довольно широкое распространение в культуре различных последователей «новой духовности».

Популярность подобных квазибиологических теорий в нью-эйджерской среде вполне закономерна, однако их достаточно успешно используют и православные публицисты. Так, бывший морской офицер, а ныне архиерей РПЦ МП Митрофан Баданин в своей брошюре «Правда о русском мате» подробно пересказывает идеи Гаряева, Чеурина и Китаева-Смыка, объясняя популярность бранных выражений неудовлетворительное состояние здоровья современных призывников⁴⁹. Вспоминая здесь же о «памяти воды», он приводит пример из опыта собственного приходского служения в северном селе Варзуга: «В течение многих лет, проходя службу в далекой поморской деревне, наблюдал, как в алтаре храма в сильные морозы все перемерзало, в том числе и вода, хранившаяся в банках. Так вот, замерзшая крещенская святая вода всегда представляла собой изумительное зрелище — чистейший лед с очень красивыми расходящимися от центра ледяными кристаллами в виде сияния. В то же время хранящаяся для разных нужд неосвященная вода из деревенско-

46. См., например: *Роман (Загребнев), игумен*. «Дела света и дела тьмы». Б. и., 2016. С. 69–71.

47. «От мата ничего не растет! Ни пшеница, ни потенция» // Комсомольская правда. 2004. 19 октября [https://www.kp.ru/daily/23385/33123/, доступ от 24.12.2024].

48. *Китаев-Смык Л. А.* Сексуально-вербальная защита и агрессия (матерная речь и матерная ругань) // *Речевая агрессия в современной культуре* / Сост. М. В. Загидулина. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2005. С. 17–21.

49. *Митрофан (Баданин), еп.* Правда о русском мате. С. 12.

го колодца (наверняка не раз “обработанная” колхозным матом) превращалась в обычный мутный кусок льда, подчас со странными затемнениями в его структуре»⁵⁰. Идеи Гаряева и Чеурина сочувственно упоминает и другой православный публицист, пишущий о русском языке, — В.Д. Ирзабеков: «Академик Гаряев (sic! — А.П.), считая долгом ученого говорить правду, заявил, что распространение блудного греха, безнравственность приводят к уродству в потомстве и тотальному вырождению нации, мат — это оружие массового поражения, причем не столько убийственное, сколько самоубийственное»⁵¹.

«Милитарные» коннотации вообще нередко встречаются в рассуждениях православных борцов со сквернословием. Поскольку матерная брань довольно часто репрезентируется как «молитва демонам», в рассматриваемых текстах солдатам предлагают отказаться от бранных слов и заменить их христианской фразеологией. Так, тот же Митрофан Баданин в начале своей брошюры рассказывает историю о российских десантниках, которые во время ожесточенного боя в Чечне вместо привычных матерных слов стали кричать «Христос воскрес!» и остались в живых (их командир, о чьих воспоминаниях и идет речь, впоследствии стал священником)⁵². А две претендующие на ученость дамы из Воронежа, довольно курьезно рассуждая на ту же тему, предлагают законодательно закрепить веру в ангелов-хранителей, лишаящих бойца-сквернослова своей защиты: «Следует обратить особое внимание на употребление мата на войне. Православные священнослужители всегда утверждали, что мат на войне привлекает смерть на оскверняющего свои уста. Объяснение очень простое: если Конституция РФ легализовала существование Бога, то следует легализовать и реальность ангелов-хранителей, которые охраняют молящегося человека, но отступают от человека с хульными устами. Так, медоносная пчела летит на благоухающий цветок, но отлетает прочь от дыма»⁵³.

Хотя обсуждаемые православные писатели не едины во мнениях касательно славянского либо иноязычного происхождения

50. Там же. С. 13.

51. Ирзабеков Василий (Фазиль). Оружие массового поражения // Невинная привычка или смертный грех? С. 139.

52. Митрофан (Баданин), еп. Правда о русском мате. С. 4–5.

53. Поливаева Н.П., Романович Н.А. Проблема ненормативной лексики в контексте публичности и традиционных ценностей // Власть. 2023. Т. 31. № 5. С. 181.

матерной лексики, почти все они воспринимают современное распространение сквернословия как следствие «внешних угроз», то есть деятельности сил, враждебных России. И древнерусская культура, и повседневная жизнь крестьян в Новое время предстают в такой перспективе (зачастую вопреки приводимым авторами примерам) практически свободными от матерной брани. Тверской публицист Д. И. Мамонов в своей брошюре «О грехе сквернословия», впервые изданной в 1996 г., утверждает, что распространение мата — дело «дьявольских сил, устремившихся погубить Россию» и «делающих все, чтобы народ наш учился сам себя осквернять»⁵⁴. Похожим образом рассуждал и советский специалист по технике автоматизированных систем, а также бывший ректор Волгоградского политехнического института священник Александр Половинкин (1937–2018): «С Россией враги наши ведут многостороннюю войну: информационную, экономическую, политическую, наркотическую и вооруженную, что недавно произошло при защите Абхазии и Осетии от Грузии. Одно из главных направлений происходящей войны — отравление сквернословием народа, молодежи и детей. Сквернословие и матерщина, суммируясь, представляют ту непрерывную громадную энергию зла, которая не дает России подняться и встать на ноги»⁵⁵. Аргументы такого рода, изображающие матерную брань «оружием массового поражения», используются, как правило, в контексте более широких алармистских нарративов о «порче», «деградации» и «примитивизации» русского языка, обусловленных постсоветской глобализацией, влиянием капитализма и интенсивным заимствованием англицизмов.

Таким образом, православный «антиматерный» дискурс постсоветских десятилетий опирается сразу на несколько гетерогенных положений и систем аргументации. Во-первых, по-прежнему используются представления и нарративы о богохульственном смысле матерной брани, восходящие к XVI–XVII вв. Однако часто они уступают место гипотезам о связи соответствующей лексики и фразеологии с дохристианской мифологией и ритуалистикой, вдохновленным культурно-историческими исследованиями второй половины XIX в. и более специально — антропологическим эволюционизмом. В этом контексте русский мат позициони-

54. <Мамонов Д. И.> О грехе сквернословия. Б. м.: Изд. «Вера», 2003. С. 12.

55. Половинкин А., священ. О сквернословии и не только // Невинная привычка или смертный грех? С. 78.

руется как пережиток черной магии, осколок ритуальных заклинаний или обращений к демонам / языческим божествам. Хотя некоторые авторы разделяют идею об иноязычном (как правило, «татаро-монгольском») происхождении матерной лексики, а другие знакомы с лингвистическими доказательствами ее общеславянского происхождения, все они так или иначе пытаются репрезентировать христианскую культуру восточных славян как чуждавшуюся матерных слов не только в письменности, но и в разговорной речи. Широкое распространение этого вида сквернословия связывается с отпадением от православия и внешними культурными воздействиями.

Во-вторых, православные борцы с матерной бранью охотно используют квази-биологические идеи, основанные на типичном для культуры нью-эйджа онтологическом холизме: предполагается, что «позитивные» или «негативные» слова и формулы, а также мысли могут оказывать прямое воздействие на организмы и неживую материю посредством неизвестных современной физике полей и энергетических потоков. Эта идея лежит в основе многих современных практик духовного целительства и имеет глобальное распространение. Одна из связанных с ней концепций, получившая заметную популярность в постсоветской псевдонауке и массовой культуре, — это сформулированная японцем Масару Эмото теория «памяти воды»: предполагается, что «эмоциональная энергия» может оказывать влияние на молекулярную структуру воды, что якобы отражается на форме кристаллов, получающихся при ее замерзании⁵⁶. В этом же холистическом контексте довольно часто интерпретируются «милитарные» коннотации матерной брани: представления о сквернословии как разновидности «языческой» черной магии теоретически не отменяют ее боевой эффективности, не сравнимой, однако, по силе воздействия с христианскими молитвами и формулами. Последние, таким образом, тоже приобретают магический, хотя и «белый» характер.

Наконец, в-третьих, происходит новая политизация мата, связанная, с одной стороны, с широким спектром политических и моральных дискурсов об особом культурно-историческом статусе, «богатстве» и «чистоте» русского языка, а с другой, — с конспирологическими идеями о «внешних врагах», стремящихся

56. См.: Эмото М. Послания воды: тайные коды кристаллов льда / Пер. с англ. О. Горбунова. М.; Киев: София, 2005 (и другие переводы книг Эмото на русский язык).

разрушить нравственный порядок и лингвистическую независимость русских при помощи разных видов метафизического «оружия массового поражения».

Мне представляется, что, несмотря на очевидную гетерогенность и даже эклектизм, эта религиозная ресемантизация лексических и речевых табу, по-своему объединяющая представителей разных конфессиональных, политических и духовных сообществ современной России, может быть описана и проанализирована в терминах особой и по-своему последовательной онтологической перспективы, более заметной в культуре нью-эйджа, однако оказывающей заметное влияние на другие постсекулярные идеологии и дискурсы, в частности — на современное православие. Хотя многие исследователи отмечали, что в качестве «зонтичного термина» само понятие «нью-эйдж» отличается внутренними противоречиями и нечеткостью границ⁵⁷, центральным элементом соответствующих практик и форм коллективного воображения следует считать мировоззренческий холизм, подразумевающий взаимную обусловленность и постоянную связь физиологических, моральных и социальных категорий и явлений. Он уравнивает и даже отождествляет телесное, духовное и социальное, оперируя представлениями о, скажем так, расширенном теле, которое подвергается постоянным рискам загрязнения и потери автономии, но вместе с тем способно к сверхъестественному воздействию на окружающий мир⁵⁸. Нечто подобное можно наблюдать и в культуре постсоветского православия или глобальном евангелизме с той разницей, что нью-эйдж тяготеет к размыванию границ между человеческим телом и вселенной, а также между отдельными людьми и человеческими сообществами⁵⁹. Консервативные православные и протестанты, наоборот, стремятся восстановить и сохранить такие границы, однако во всех этих случаях речь идет о попытках, так сказать, персональной само-сакрализации. Генеалогия этого «нового холизма», прошедшего путь от контркультурных исканий «культовой среды», существо-

57. Chryssides, G. D. (2007) "Defining the New Age", in Kemp D., Lewis J. R. (eds.) *Handbook of New Age*, pp. 5–24. Leiden: Brill.

58. Panchenko, A. (2021) "Ancient Wisdom, Stigmatised Knowledge, and Sacred Landscapes: Ontologies and Epistemologies of New Age Culture in Post-Soviet Russia", *Journal of Ethnology and Folkloristics* 15 (2): 19–24.

59. Подробнее см.: Панченко А. А. Нарративы тревоги и скрытые онтологии: протесты против вакцинации в «консервативном православии» и их культурный контекст // *Versus*. 2022. Т. 2. № 3. С. 106–125.

вавшей в 1970-е и 1980-е гг. по обе стороны «железного занавеса», до значимой составляющей глобальной массовой культуры, заслуживает отдельного анализа, однако представляется достаточно очевидным, что он восходит и к различным формам «техно-гностического» воображения второй половины XX — начала XXI в., и к резкому росту «религиозного индивидуализма», наблюдающемуся в эти же годы. При этом, как мне кажется, речь идет о религиозных, хотя и постсекулярных, онтологиях, так что, скажем, позиция А. А. Конакова, утверждающего, что советские «дискурсы о невероятном» не имеет смысла рассматривать в терминах истории религии⁶⁰, представляется мне излишне ригористичной и основанной на недостаточном знакомстве с современными теоретическими идеями социологии и антропологии религии. Стоит предположить, что и номинально религиозные, и декларативно секулярные онтологии и дискурсы в этом контексте тяготеют к созданию новых представлений о телесности, основанных на минимальном контр-интуитивном эффекте, если пользоваться терминами когнитивного религиоведения: идея словесного или телепатического воздействия на материальный мир привлекательна не столько в силу социально-психологической значимости концептов тайны, загадки, невероятного и т.п., сколько благодаря своей наглядной и практической применимости в повседневной жизни каждого человека.

Возвращаясь к лингвистическим идеологиям, отмечу, что и в рассмотренных в этой статье примерах, и в их более широком контексте мы наблюдаем тенденцию к предельной онтологизации языка и попытке встроить вербальные формы, ассоциирующиеся с богохульством, кощунством и нарушением социальных норм, в картину «естественного порядка», регулируемого физическими и биологическими законами. Как это ни парадоксально, практическим результатом этой холистической идеологии становится как раз не индивидуализация, а деперсонализация и отказ от индивидуальной идентичности.

Некоторые исследователи, занимающиеся онтологизацией языка (и, в частности, сакрализацией церковно-славянского) в современном православии, предлагают видеть один из ее корней в более ранних опытах лингвистической философии, в частно-

60. Конаков А. Убывающий мир: история «невероятного» в позднем СССР. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2022. С. 12–14.

сти — в широко понимаемом имяславии⁶¹. Очевидно, что здесь есть типологические, а в некоторых случаях и генетические параллели. Так, скажем, С. Н. Булгаков в процитированной выше сентенции о рождении большевизма из матерной брани исходил именно из таких позиций и даже назвал широкое распространение мата в революционные годы «порнографическим имяславием» — «мистическим негативом», как бы переворачивающим «особое почитание матери-земли, а затем и Богоматери, присущее русскому народу»⁶². Хотя можно полагать, что, скажем, работы советских филологов «московско-тартуской школы» писались с оглядкой на философию языка Булгакова, Флоренского и Лосева, в рассмотренных выше материалах в целом не прослеживается ни соответствующей логики, ни соответствующей мистики. В нашем случае речь, как мне кажется, все же речь идет о новых формах коллективного воображения, чьи особенности и социальные последствия заслуживают дальнейшего исследования.

Библиография / References

- Айрапетян В.* Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. Ч. I.
- Александр и Антон Чеховы.* Воспоминания, переписка / Сост., подг. текста и коммент. Е. М. Гушанской, И. С. Кузьмичева. М.: «Захаров», 2012.
- Базылев В. Н.* Политика и лингвистика: «великий и могучий...» // Политическая лингвистика. 2009. № 3(29). С. 9–38.
- Богоевский Б. Л.* Земледельческая религия Афин. Т. I. Пг.: Тип. М. А. Александрова, 1916.
- Бойся греха сквернословия. М.: Тип.-лит. Н. И. Куманина, 1891.
- Бородин П. М.* Фантомы волнового генома // В защиту науки. Бюллетень № 4. М.: Наука, 2008. С. 174–176.
- Булгаков С. Н.* На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Изд. Моск. ун-та, 1990. С. 90–144.
- Варнава (Беляев), еп.* Сквернословие: «площадная, матерная брань», «словесный эксгибиционизм» // Невинная привычка или смертный грех? М.: Даниловский благовестник, 2012. С. 18–30.
- Весин П., прот.* Поучение о удержании от празднословия и сквернословия. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1880.
- Владимиров Артемий, прот.* Мерзость красного словца // От слов своих осудишься: сквернословие. М.: Изд. Московской Патриархии, 2013. С. 3–10.

61. Leonard, S. P. “Words to Things: Religious Cosmologies in the Context of the (Russian) Orthodox Philosophy of Language”.

62. *Булгаков С. Н.* На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги. С. 116–117.

- Гаряев П. П.* Лингвистико-волновой геном. Теория и практика. Киев: Институт квантовой генетики, 2009.
- Горький М.* Полное собрание сочинений: Варианты к художественным произведениям. Т. VII. Варианты к т. XXI. М., 1978.
- Горький М.* Полное собрание сочинений: Художественные произведения в 25 тт. Т. XXI. М. 1974.
- Горький М.* Собрание сочинений в 30 тт. М.: Гос. изд. художественной литературы, 1953. Т. 27.
- Гузенко Виктор*, прот. Кого зовешь, тот и приходит // Родителям и детям о грехе сквернословия / Сост. И. Цуканов. М: «Символик», 2022. С. 62–76.
- Гумеров Павел*, прот. Безобидно ли сквернословие? // Родителям и детям о грехе сквернословия / Сост. И. Цуканов. М: «Символик», 2022. С. 95–104.
- Зеленин Д. К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. II. Запреты в домашней жизни. Л.: б. и., 1929 (Сб. МАЭ. Т. IX).
- Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: «Наука», 1974.
- Ирзабеков Василий (Фазиль).* Оружие массового поражения // Невинная привычка или смертный грех? М.: Даниловский благовестник, 2012. С. 138–141.
- Кагаров Е. Г.* [Рец. на:] Богаевский Б. Л. Земледельческая религия Афин. I. Пг., 1916 // Богословский вестник. 1917. № 1. С. 165.
- Китаев-Смык Л. А.* Сексуально-вербальная защита и агрессия (матерная речь и матерная ругань) // Речевая агрессия в современной культуре / Сост. М. В. Загидуллина. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2005. С. 17–21.
- Ковалев Г. Ф.* Русские писатели о русском мате // Язык, коммуникация и социальная среда. 2004. № 3. С. 38–51.
- Конаков А.* Убывающий мир: история «невероятного» в позднем СССР. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2022.
- Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX вв.: исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
- Корочкин Л. И.* Во власти невежества. Неолысенковщина в российском сознании // В защиту науки. Бюллетень № 17. М.: Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, 2016. С. 73–81.
- Ларина Н.* Не убивайте матом хромосому // Сельская новь. 1998. № 4. С. 49.
- <Мамонов Д. И.>* О грехе сквернословия. Б. м.: Изд. «Вера», 2003.
- Митрофан (Баданин), еп.* Правда о русском мате. СПб.; Мурманск: Библиополис, 2014.
- Михайлин В. Ю.* Русский мат как мужской обценный код. Проблема происхождения и эволюция статуса // «Злая лая матерная...»: сб. ст. / под ред. В. И. Жельвиса. М.: Ладомир, 2005. С. 69–137.
- Мордвинов И.* Общество трезвости, жизнь и работа в нем. СПб.: Александро-Невское общество трезвости, 1911.
- Николаев Сергей*, прот. Грех или грешок // От слов своих осудишься: сквернословие. С. 36–56.
- «От мата ничего не растет! Ни пшеница, ни потенция» // Комсомольская правда. 2004. 19 октября. [<https://www.kp.ru/daily/23385/33123/>].
- П. Б.* О грехе сквернословия или матернем слове. Киев: Тип. М. Д. Ивановой, 1899.
- Павлова А. В., Безродный М. В.* Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма // Политическая лингвистика. 2011. № 4(38). С. 11–20.

- Панченко А.А. Нарративы тревоги и скрытые онтологии: протесты против вакцинации в «консервативном православии» и их культурный контекст // *Versus*. 2022. Т. 2. № 3. С. 106–125.
- Панченко А.А. Крестьяне, иконы и матерная брань // *Этнографическое обозрение*. 2023. № 2. С. 21–51.
- Патерик Римский. Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе / Изд. подг. К. Дидди. М.: «Индрик», 2001.
- Поливаева Н.П., Романович Н.А. Проблема ненормативной лексики в контексте личности и традиционных ценностей // *Власть*. 2023. Т. 31. № 5. С. 178–190.
- Полиниченко Д.Ю. Политические мифологемы фолк-лингвистики // *Политическая лингвистика*. 2010. № 4(34). С. 196–202.
- Половинкин А., свящ. О сквернословии и не только // *Невинная привычка или смертный грех?* М.: Даниловский благовестник, 2012. С. 58–79.
- Поучение святого Иоанна Златоустого о матернем слове: Выписано из кн. «Златая струя», гл. 2. СПб: тип. И.И. Глазунова и Ком., 1862.
- Родосский А. Описание 432-х рукописей, принадлежащих Санкт-Петербургской Духовной Академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб.: Тип. А.О. Башкова, 1893.
- Роман (Загребнев), игумен. «Дела света и дела тьмы». Б. и., 2016.
- Смирнов С. Древнерусский духовник. М.: Синодальная тип., 1913.
- Сухарев А.П. Уроки Фемиды. На каком языке говорим с Богом. Об ответственности за сквернословие. М.: «Юрист», 2011.
- Тамбовцева С.Г. Каббалистическая герменевтика и утопическая компаративистика ВсеяСветной Грамоты // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2019. № 4(37). С. 69–101.
- Тертышный Г.Г. Методы и средства биофизического полевого управления в биологических системах // «Злая лая матерная...»: сб. ст. / Под ред. В.И. Жельвиса. М.: Ладомир, 2005. С. 565–571.
- Троцкий Л. Собрание сочинений. Т. XXI: Культура переходного периода. М., Л.: Госиздат, 1927.
- Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Антимир русской культуры. Язык, фольклор, литература. Сборник статей / Сост. Н. Богомолов*. М.: Ладомир, 1996. С. 9–107.
- Чапыгин А.П. Собрание сочинений в 5 тт. Т. 4. Л.: «Художественная литература», 1969.
- Штырков С.А. О разговорах с мертвыми, (не)переводимости имен святых и праве вольных русов на русский язык // *Антропологический форум*. 2023. № 58. С. 157–170.
- Эмото М. Послания воды: тайные коды кристаллов льда / Пер. с англ. О. Горбунова. М.; Киев: София, 2005.
- Chlup, R. (2007) “The Semantics of Fertility”, *Kernos* [Online], 20 [<http://journals.openedition.org/kernos/171>, accessed on 24.08.2024].
- Chrysides, G. D. (2007) “Defining the New Age”, in Kemp D., Lewis J. R. (eds.) *Handbook of New Age*, pp. 5–24. Leiden: Brill.
- Halliwell, S. (2008) *Greek Laughter: A Study of Cultural Psychology from Homer to Early Christianity*. Cambridge University Press.
- Keane, W. (2003) “Semiotics and the Social Analysis of Material Things”, *Language and Communication* 23: 409–425.

- Kovalev, M. (2016) "Law and (Verbal) Order: The Politics of Russian Obscene Language from Soviet Russia to the Present Day", *Zeitschrift für Slavische Philologie* 72(2): 323–347.
- Leonard, S. P. (2023) "Words to things: religious cosmologies in the context of the (Russian) Orthodox philosophy of language", *Journal for the Study of Religions and Ideologies* 22(65): 145–158.
- Ljung, M. (2011) *Swearing: A Cross-Cultural Linguistic Study*. London: Palgrave Macmillan.
- Mohr, M. (2013) *Holy Shit: A Brief History of Swearing*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Montagu, A. (1967) *The Anatomy of Swearing*. New York: Macmillan.
- Panchenko, A. (2021) "Ancient Wisdom, Stigmatised Knowledge, and Sacred Landscapes: Ontologies and Epistemologies of New Age Culture in Post-Soviet Russia", *Journal of Ethnology and Folkloristics* 15(2): 19–24.
- Silverstein, M. (1979) "Language Structure and Linguistic Ideology", in P. Clyne, W. Hanks, C. Hofbauer (eds) *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*, pp. 193–247. Chicago, IL: Chicago Linguistic Society.
- Smith, S. A. (1998) "The Social Meanings of Swearing: Workers and Bad Language in Late Imperial and Early Soviet Russia", *Past & Present* 160: 167–202.
- Tubach, F. C. (1969). *Index Exemplorum: A Handbook of Medieval Religious Tales*. Helsinki: Akademia Scientiarum Fennica (Folklore Fellows Communications No. 204).